

УДК 332.1**DOI: 10.34670/AR.2026.33.91.046****Развитие инструментария особых экономических зон и кластеров
в контексте управления регионом****Макаров Иван Николаевич**

Доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Липецкий филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
398004, Российская Федерация, Липецк, ул. Плеханова, 5а;
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: excellennzz@gmail.com

Шепелев Максим Иванович

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и управления им. Н.Г. Нечаева,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: Max-shepelev@rambler.ru

Степаненкова Наталья Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и управления им. Н.Г. Нечаева,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: nmstepanenkova@yandex.ru

Пишикин Дмитрий Геннадьевич

Аспирант,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Российская Федерация, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: d.pishikin@yandex.ru

Аннотация

Особые экономические зоны и промышленные кластеры закреплены в российском законодательстве как самостоятельные преференциальные режимы, однако в региональной практике они применяются на одной территории и обслуживают единую задачу привлечения частных вложений, что порождает вопрос о наличии общего инструментария управления, а не двух обособленных механизмов. Цель работы – построить интегральную схему оценки результативности преференциального контура

региона, пригодную для обоих режимов, и проверить её на модельных данных. Применены коэффициентный, горизонтальный и вертикальный анализ, факторное разложение методом цепных подстановок и расчёт коэффициента бюджетной отдачи; макроэкономический фон задан официальной статистикой Минэкономразвития России за 2024 г. Расчёт на модельном регионе показал, что прирост частных инвестиций резидентов за 2022–2025 гг. на 46,2% обеспечен расширением числа резидентов и на 53,8% – интенсивными факторами, причём коэффициент фактической реализации заявленных вложений дал 23,1% прироста. Коэффициент бюджетной отдачи модельной зоны пересёк единицу в 2024 г., что воспроизводит зафиксированный на федеральном уровне выход системы на бюджетную окупаемость. Совпадение набора результирующих параметров для зонального и кластерного режимов означает, что развитие регионального инструментария достигается перенастройкой управляемых параметров уже существующих механизмов – прежде всего степени реализации заявленных обязательств, – а не умножением числа обособленных преференциальных площадок.

Для цитирования в научных исследованиях

Макаров И.Н., Шепелев М.И., Степаненкова Н.М., Пишкин Д.Г. Развитие инструментария особых экономических зон и кластеров в контексте управления регионом // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 6А. С. 458-467. DOI: 10.34670/AR.2026.33.91.046

Ключевые слова

Особая экономическая зона, промышленный кластер, инструментарий региональной экономики, факторный анализ, бюджетная отдача, преференциальный режим, управление регионом, инвестиционная активность, региональное развитие.

Введение

Региональная экономическая политика последних лет опирается на расширяющийся набор преференциальных режимов, среди которых ведущее положение занимают особые экономические зоны и промышленные кластеры. Эти режимы вводились разными нормами и в разное время, обслуживаются разными ведомствами и в специальной литературе чаще описываются по отдельности. Д. Г. Пишкин [Пишкин, 2025] рассматривает социально-экономическое развитие регионов преимущественно через зональный механизм, тогда как типология самих зон, предложенная Н. Ю. Коротиной и В. П. Деевой [Коротина, Деева, 2025], строится вокруг внутренней неоднородности зонального инструмента и почти не затрагивает его сопряжения с кластерной формой. Между тем на уровне отдельного субъекта федерации оба режима размещаются на смежных площадках и преследуют совпадающую цель – привлечение частных вложений в обрабатывающие производства.

Оценочная сторона вопроса остаётся дискуссионной. С. А. Чернявская с соавторами [Чернявская и др., 2022] выстраивает оценку эффективности управления зонами на ведомственной отчётности и сводных рейтингах, тогда как часть исследователей трактует зону прежде всего как драйвер национальной экономики [Деркач и др., 2025] либо как элемент контура экономической безопасности территории [Никитина и др., 2023]. Расхождение касается не деталей, а самого предмета измерения: одни работы оценивают вклад режима в

макропоказатели, другие – его административную результативность, третьи – способность удерживать инвестора на территории. Согласованной шкалы, которая увязывала бы эти срезы, в публикациях не сложилось; роль зон в решении конкретных региональных проблем описывается скорее качественно [10Соколова, Бутко, 2024].

Кластерная линия исследований развивается параллельно. И. Н. Макаров и Н. Б. Сотников [Макаров, Сотников, 2022] вводят зонально-кластерный подход как инструмент государственной политики, а в более поздней работе [Дробот и др., 2024] активная роль государства в управлении региональным развитием увязывается с новой кластерной парадигмой. Действующая редакция Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 527-ФЗ) определяет кластер как совокупность особых экономических зон одного или нескольких типов под управлением единой управляющей компании, тем самым нормативно сближая зональную и кластерную формы. Институциональное сближение режимов делает правомерной постановку вопроса о едином инструментарии управления преференциальным контуром региона, а не о двух несвязанных механизмах.

Цель работы состоит в построении интегральной схемы оценки результативности регионального преференциального контура, пригодной одновременно для зонального и кластерного режимов, и в её проверке на модельных данных. Рабочее предположение заключается в том, что управляемые параметры обоих режимов совпадают, а потому развитие регионального инструментария сводится к перенастройке этих параметров, а не к умножению числа обособленных площадок.

Материалы и методы исследования

В работе применены коэффициентный, горизонтальный и вертикальный анализ, факторное разложение методом цепных подстановок, индексный метод и расчётная оценка бюджетной отдачи преференциального режима. Макроэкономический фон – число действующих зон, годовые и накопленные инвестиции резидентов, занятость, сводный показатель эффективности – взят из официальной отчётности Минэкономразвития России за 2024 г. Нормативная рамка задана действующими редакциями Федерального закона № 116-ФЗ, Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ и постановления Правительства Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 779 о промышленных кластерах; сведения о составе кластерного контура соотнесены с реестром промышленных кластеров Минпромторга России, насчитывающим около 115 включённых кластеров. Методическим ориентиром для отбора измеряемых эффектов послужил подход Е. В. Сапир и И. А. Карачева [Сапир, Карачев, 2024] к оценке целесообразности создания зон, а перечень управляемых регуляторных параметров согласован с характеристикой инструментов регулирования развития регионов, данной О. А. Репушевой [Репушевская, 2024].

Поскольку дезагрегированная отчётность по отдельному субъекту федерации в открытом доступе фрагментарна, расчётная часть выполнена на модельном регионе индустриального профиля, располагающем зоной промышленно-производственного типа и сопряжённым промышленным кластером. Входные величины модельного контура – число резидентов, средний объём заявленных вложений, коэффициент их фактической реализации, платежи в бюджетную систему и затраты на содержание режима – сконструированы как непротиворечивый расчётный пример и помечены в подписях как авторские; реальные

макроориентиры (масштаб инвестиций, порог окупаемости) при этом сохранены. Динамика модельных показателей задана немонотонной: один из годов несёт повышенную инфраструктурную нагрузку, отражая обычное для зон опережающее финансирование инженерной подготовки площадки.

Результаты и обсуждение

Прежде чем перейти к расчёту, уместно зафиксировать, какие именно эффекты режима поддаются количественному измерению. Эконометрическая оценка эффектов зон, выполненная И. И. Рахмеевой и Л. К. Чеснюковой [Рахмеева, Чеснюкова, 2023], показывает, что устойчиво идентифицируются три группы результирующих величин: масштаб привлечённого капитала, плотность занятости и фискальная отдача территории. Концептуализация кластеризации в условиях смарт-специализации [Клунко, Ларионова, 2025] добавляет к ним параметр селективности – способность режима удерживать профильные, а не случайные производства. Состав зоны, разобранный П. А. Канапухиным и Р. Ю. Наумовым [Канапухин, Наумов, 2024], сводится к тем же управляемым элементам: резидентский пул, инвестиционные обязательства и инфраструктурная готовность площадки.

Кластерный режим описывается тем же набором величин, лишь с иными весами. Анализ инновационных механизмов устойчивого роста высокотехнологичных кластеров, выполненный М. В. Глиняновым [Глинянов, 2025], относит к ключевым параметрам не число участников, а интенсивность кооперационных связей и долю совместных проектов; близкий вывод о приоритете качественных, а не количественных характеристик содержится в работе Л. А. Гамидуллаевой и Д. Н. Шевченко [Гамидуллаева, Шевченко, 2025] о потенциале кластерного подхода. Совпадение измеряемых величин по обоим режимам позволяет описывать их единой мультипликативной моделью объёма частных вложений, в которой число резидентов, средний объём заявленных инвестиций и коэффициент их реализации выступают сомножителями.

Национальная статистика задаёт верхний контур, в который вписывается любой региональный расчёт. По данным Минэкономразвития России, за 2024 г. резиденты зон вложили около 1,2 трлн руб. – вдвое больше, чем годом ранее, – при сводном показателе эффективности системы порядка 90 %, что несколько ниже значений предшествующих лет. Сопоставление годовых результатов 2023 и 2024 гг. приведено в табл. 1.

Таблица 1 - Годовые результаты функционирования системы особых экономических зон России в 2023–2024 гг.

Показатель	2023	2024	Изменение
Новые резиденты, зарегистрированные за год, ед.	176	192	+16 (+9,1 %)
Инвестиции резидентов за год, млрд руб.	660	1200	+540 (+81,8 %)
Создано рабочих мест за год, тыс.	18,1	25,0	+6,9 (+38,1 %)

Источник: данные Минэкономразвития России за 2024 г.

Сопоставление двух лет обнаруживает важную для дальнейшего расчёта диспропорцию. Число новых резидентов выросло умеренно, тогда как годовой объём вложений увеличился более чем на 80 %; следовательно, прирост обеспечивался не столько притоком новых участников, сколько укрупнением проектов и более полным исполнением ранее принятых обязательств. Занятость прибавила свыше трети, что подтверждает производственную, а не девелоперскую природу прироста. Сдвиг в сторону интенсивных факторов прослеживается уже

на агрегированном уровне и служит гипотезой для регионального разложения.

Чтобы проверить эту гипотезу на управляемом масштабе, прирост частных инвестиций резидентов модельной зоны за 2022–2025 гг. разложен на три фактора по мультипликативной схеме «число резидентов × средний объём заявленных вложений на резидента × коэффициент фактической реализации заявленного». Метод цепных подстановок даёт отдельный вклад каждого сомножителя; результаты сведены в табл. 2.

Таблица 2 - Факторное разложение прироста частных инвестиций резидентов модельной зоны за 2022–2025 гг.

Фактор	2022	2025	Вклад в прирост, млн руб.	Доля вклада, %
Число резидентов, ед.	18	27	2347,1	46,2
Средний объём заявленных вложений на резидента, млн руб.	418,6	511,4	1561,0	30,7
Коэффициент реализации заявленного, доли ед.	0,623	0,708	1173,7	23,1
Объём частных инвестиций (итог), млн руб.	4694,2	9775,9	5081,7	100,0

Источник: расчёты авторов по модельным данным.

Расчётный прирост составил 5081,7 млн руб.; сумма факторных вкладов равна 5081,8 млн руб., расхождение в 0,1 млн руб. объясняется округлением промежуточных величин до одного знака. Экстенсивный фактор – расширение резидентского пула – дал наибольший единичный вклад, но его доля не достигла половины прироста и остановилась на 46,2 %. Совокупный вклад двух интенсивных факторов, среднего объёма проекта и коэффициента реализации, оказался выше – 53,8 %. Тем самым региональный расчёт воспроизводит диспропорцию, ранее замеченную на федеральном уровне: прирост обеспечивается качеством портфеля обязательств, а не одним лишь увеличением числа участников.

Отдельного внимания заслуживает коэффициент реализации заявленного, поднявшийся с 0,623 до 0,708 и обеспечивший 23,1 % прироста. Этот параметр отражает не привлекательность режима для инвестора, а административную способность региональной управляющей компании доводить заявленные проекты до фактического вложения средств. В терминах управления именно он выступает наиболее податливым рычагом: разрыв между заявленным и реализованным сокращается мерами сопровождения и контроля, не требующими расширения территории или новых налоговых льгот. Прирост коэффициента на 0,085 за четыре года эквивалентен по эффекту привлечению примерно двух с половиной средних резидентов, что сопоставимо с заметной частью годового набора зоны.

Средний объём заявленных вложений на резидента вырос с 418,6 до 511,4 млн руб. и обеспечил 30,7 % прироста. Укрупнение проектов отражает смещение резидентского пула в сторону капиталоемких профильных производств, а не мелких арендаторов площадки; в этом и состоит селективная функция режима, отделяющая профильного инвестора от случайного. Управляется этот параметр входным отбором – требованиями к минимальному объёму обязательств и отраслевой принадлежности резидента, – и потому регулируется медленнее коэффициента реализации, но устойчивее: однажды поднятый порог входа удерживает структуру пула на протяжении нескольких лет.

Третий измеряемый срез – фискальная отдача территории. Соотношение платежей резидентов в бюджетную систему и бюджетных затрат на содержание режима, включая предоставленные льготы, образует коэффициент бюджетной отдачи; его динамика для

модельной зоны приведена в табл. 3.

Коэффициент бюджетной отдачи пересекает единицу между 2023 и 2024 гг., после чего платежи резидентов устойчиво превышают затраты бюджета на режим. Эта траектория повторяет зафиксированный на федеральном уровне выход системы зон на бюджетную окупаемость, когда совокупные платежи резидентов превысили объём предоставленных льгот и расходов на создание площадок. Расчёт по модельному региону датирует перелом 2024 г., тогда как национальная система прошла его несколькими годами ранее, что согласуется с более поздним запуском типичной региональной зоны.

Таблица 3- Динамика коэффициента бюджетной отдачи модельной зоны в 2022–2026 гг.

Год	Платежи резидентов в бюджетную систему, млрд руб.	Бюджетные затраты и предоставленные льготы, млрд руб.	Коэффициент бюджетной отдачи
2022	1,18	1,86	0,634
2023	1,41	2,42	0,583
2024	2,33	2,21	1,054
2025	3,11	2,48	1,254
2026 (оценка)	3,74	2,63	1,422

Источник: расчёты авторов по модельным данным; макроориентиры – данные Минэкономразвития России за 2024 г.

Динамика коэффициента немонотонна: в 2023 г. он опускается до 0,583, ниже уровня 2022 г. Снижение приходится на год повышенной инфраструктурной нагрузки, когда затраты на инженерную подготовку площадки опережают выход резидентов на проектную мощность. Провал носит технический характер и не свидетельствует об ухудшении режима; в последующие два года коэффициент восстанавливается и превышает единицу. Подобное опережающее финансирование инфраструктуры – обычная черта зонального жизненного цикла, и при оценке режима по одному году оно способно исказить вывод.

Перенос схемы на кластерный режим не меняет состав измеряемых величин, но смещает их веса. Для кластера, где результат создаётся совместными проектами участников, коэффициент реализации заявленного приобретает больший вес, поскольку срыв одного звена кооперационной цепочки обесценивает вложения остальных; численность участников, напротив, сказывается слабее, чем в зоне. Расчётная панель при этом сохраняется – меняются лишь нормативные ориентиры по каждому сомножителю, что и подтверждает её пригодность для обоих режимов.

Сведённые вместе, три измерения описывают единый управляемый контур. Объём вложений, фискальная отдача и степень реализации обязательств рассчитываются по одной схеме независимо от того, оформлена территория как зона или как кластер: нормативное определение кластера через совокупность зон под единой управляющей компанией снимает содержательную границу между режимами на уровне измеряемых величин. Региональное управление получает не два обособленных набора индикаторов, а одну настраиваемую панель, в которой коэффициент реализации заявленного выступает наиболее чувствительным и одновременно наименее затратным в управлении параметром.

Заключение

Проведённое разложение показывает, что прирост частных инвестиций регионального преференциального контура опирается на интенсивные факторы сильнее, чем на расширение резидентского пула: совокупный вклад среднего объёма проекта и коэффициента реализации заявленного превысил 53 % против чуть более 46 % у фактора численности. Из этого следует управленческий вывод о приоритете перенастройки уже действующих режимов над созданием новых площадок. Наиболее податливым рычагом оказался коэффициент фактической реализации заявленного: его рост на 0,085 за четыре года дал около 23 % всего прироста вложений, не потребовав ни расширения территории, ни дополнительных налоговых преференций. Региональной управляющей компании выгоднее сокращать разрыв между заявленными и реализованными обязательствами действующих резидентов, чем наращивать их число.

Фискальная сторона подтверждает зрелость инструмента. Коэффициент бюджетной отдачи модельной зоны превысил единицу к 2024 г., воспроизведя национальный выход на окупаемость; годом ранее он опускался до 0,583 из-за опережающего финансирования инфраструктуры.

Совпадение результирующих параметров для зонального и кластерного режимов, подкреплённое их нормативным сближением, склоняет к интегративной, а не разделительной трактовке регионального инструментария. Зона и кластер описываются одной панелью управляемых величин, и развитие инструментария означает донстройку этих величин – прежде всего степени исполнения обязательств – внутри единого контура. При совокупных вложениях резидентов системы около 1,2 трлн руб. за 2024 г. резерв роста сосредоточен не в числе площадок, а в полноте реализации уже принятых инвестиционных обязательств.

Библиография

1. Гамидуллаева Л.А., Шевченко Д.Н. Потенциал кластерного подхода в развитии территорий опережающего социально-экономического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21. № 1. С. 84–93.
2. Глинянов М.В. Инновационные механизмы обеспечения устойчивого роста высокотехнологичных кластеров в условиях ускоряющейся цифровизации экономики // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 1. С. 113–123.
3. Деркач Н.Е., Варшавский К.А., Машкина А.И. Потенциал особых экономических зон как драйвер социально-экономического развития национальной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2025. № 3 (70). С. 38–49.
4. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Сухина Ю.В., Некрасова Е.А., Володина А.И. Новая кластерная парадигма и активная роль государства в управлении региональным развитием // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 10. С. 2641–2652.
5. Канапухин П.А., Наумов Р.Ю. Составляющие ОЭЗ и роль в реализации стратегии устойчивого развития регионов // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 9 (177). С. 8–19.
6. Клунко Н.С., Ларионова Н.И. Концептуальные основы кластеризации региональной экономики в условиях смарт-специализации // Russian Journal of Management. 2025. Т. 13. № 5. С. 59–72.
7. Коротина Н.Ю., Деева В.П. Типология особых экономических зон России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2025. Т. 19. № 3. С. 5–14.
8. Макаров И.Н., Сотников Н.Б. Зонально-кластерный подход как инструмент государственной политики управления развитием хозяйственных систем // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2739–2750.
9. Никитина И.А., Круглова И.А., Борматов В.Ю. Роль особых экономических зон в региональном развитии в контексте экономической безопасности страны // Kant. 2023. № 4 (49). С. 94–101.
10. Пишикин Д.Г. Социально-экономическое развитие регионов через призму особых экономических зон // Вопросы отраслевой экономики. 2025. № 1 (9). С. 58–64.

11. Рахмеева И.И., Чеснюкова Л.К. Особые экономические зоны: эконометрическая оценка эффектов и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 18. № 1. С. 5–24.
12. Репушевская О.А. Характеристика инструментов регулирования социально-экономического развития регионов // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 4. С. 555–564.
13. Сапир Е.В., Карачев И.А. Оценка целесообразности создания специальных экономических зон: метод геоэкономического картирования // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 2. С. 6–22.
14. Соколова Е.Н., Бутко Д.В. Роль особых экономических зон в решении региональных проблем // Экономический вектор. 2024. № 1 (36). С. 75–78.
15. Чернявская С.А., Непочатых О.Ю., Мусостова Д.Ш. Формирование оценки эффективности управления особыми экономическими зонами // Вестник Академии знаний. 2022. № 52 (5). С. 315–319.

Development of the Tools of Special Economic Zones and Clusters in the Context of Regional Management

Ivan N. Makarov

Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher,
Lipetsk Branch of RANEPa,
398004, 5a, Plekhanova str., Lipetsk, Russian Federation;
Bunin Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: excellennzz@gmail.com

Maksim I. Shepelev

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev,
Bunin Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: Max-shepelev@rambler.ru

Natal'ya M. Stepanenkova

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev,
Bunin Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: nmstepanenkova@yandex.ru

Dmitrii G. Pishikin

Postgraduate Student,
Bunin Yelets State University,
399770, 28, Kommunarov str., Yelets, Russian Federation;
e-mail: d.pishikin@yandex.ru

Abstract

Special economic zones and industrial clusters are enshrined in Russian legislation as independent preferential regimes; however, in regional practice they are applied in the same territory and serve the common task of attracting private investment, which raises the question of the existence of a common management toolkit rather than two separate mechanisms. The objective of the work is to build an integral scheme for assessing the effectiveness of a region's preferential contour, suitable for both regimes, and to test it on model data. Coefficient, horizontal, and vertical analysis, factor decomposition by the method of chain substitutions, and the calculation of the budgetary return coefficient were applied; the macroeconomic background is set by the official statistics of the Ministry of Economic Development of Russia for 2024. The calculation on a model region showed that the growth of private investments of residents for 2022–2025 was 46.2% ensured by the expansion of the number of residents and 53.8% by intensive factors, with the coefficient of actual implementation of declared investments accounting for 23.1% of the growth. The budgetary return coefficient of the model zone crossed unity in 2024, which reproduces the system's reaching budgetary payback recorded at the federal level. The coincidence of the set of resulting parameters for the zonal and cluster regimes means that the development of regional tools is achieved by reconfiguring the controllable parameters of already existing mechanisms – primarily the degree of implementation of declared obligations – rather than by multiplying the number of separate preferential sites.

For citation

Makarov I.N., Shepelev M.I., Stepanenkova N.M., Pishikin D.G. (2026) Razvitie instrumentariya osobykh ekonomicheskikh zon i klasterov v kontekste upravleniya regionom [Development of the Tools of Special Economic Zones and Clusters in the Context of Regional Management]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (6A), pp. 458-467. DOI: 10.34670/AR.2026.33.91.046

Keywords

Special economic zone, industrial cluster, tools of regional economics, factor analysis, budgetary return, preferential regime, regional management, investment activity, regional development.

References

1. Chernyavskaya, S. A., Nepochatykh, O. Yu., & Musostova, D. Sh. (2022). Formirovaniye otsenki effektivnosti upravleniya osobymi ekonomicheskimi zonami [Formation of an assessment of the management efficiency of special economic zones]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], *52*(5), 315–319.
2. Derkach, N. E., Varshavsky, K. A., & Mashkina, A. I. (2025). Potentsial osobykh ekonomicheskikh zon kak draiver sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya natsional'noy ekonomiki [The potential of special economic zones as a driver of the socio-economic development of the nationaleconomy]. *Region: sistemy, ekonomika, upravleniye* [Region: Systems, Economics, Management], *3*(70), 38–49.
3. Drobot, E. V., Makarov, I. N., Sukhina, Yu. V., Nekrasova, E. A., & Volodina, A. I. (2024). Novaya klastemaya paradigma i aktivnaya rol' gosudarstva v upravlenii regional'nym razvitiyem [The new cluster paradigm and the active role of the state in managing regional development]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], *18*(10), 2641–2652.
4. Gamidullaeva, L. A., & Shevchenko, D. N. (2025). Potentsial klasternogo podkhoda v razvitiiterritoriy operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [The potential of the cluster approach in the development of territories of advanced socio-economic development]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], *21*(1), 84–93.

5. Glinyanov, M. V. (2025). Innovatsionnyye mekhanizmy obespecheniya ustoychivogo rosta vysokotekhnologichnykh klasterov v usloviyakh uskoryayushcheytsya tsifrovizatsii ekonomiki [Innovative mechanisms for ensuring the sustainable growth of high-tech clusters under the accelerating digitalisation of the economy]. *Voprosy prirodopol'zovaniya* [Environmental Management Issues], *4*(1), 113–123.
6. Kanapukhin, P. A., & Naumov, R. Yu. (2024). Sostavlyayushchiye O EZ i rol' v realizatsii strategii ustoychivogo razvitiya regionov [Components of a special economic zone and its role in implementing the sustainable development strategy of regions]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* [Modern Economics: Problems and Solutions], *9*(177), 8–19.
7. Klunko, N. S., & Larionova, N. I. (2025). Kontseptual'nyye osnovy klasterizatsii regional'noy ekonomiki v usloviyakh smart-spetsializatsii [Conceptual foundations of the clustering of the regional economy under smart specialisation]. *Russian Journal of Management*, 13(5), 59–72.
8. Korotina, N. Yu., & Deeva, V. P. (2025). Tipologiya osobykh ekonomicheskikh zon Rossii [A typology of special economic zones of Russia]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Economics and Management], *19*(3), 5–14.
9. Makarov, I. N., & Sotnikov, N. B. (2022). Zonal'no-klastermyy podkhod kak instrument gosudarstvennoy politiki upravleniya razvitiyem khozyaystvennykh sistem [The zonal-cluster approach as an instrument of state policy for managing the development of economic systems]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], *12*(10), 2739–2750.
10. Nikitina, I. A., Kruglova, I. A., & Bormatov, V. Yu. (2023). Rol' osobykh ekonomicheskikh zon v regional'nom razvitii v kontekste ekonomicheskoy bezopasnosti strany [The role of special economic zones in regional development in the context of the country's economic security]. *Kant*, *4*(49), 94–101.
11. Pishikin, D. G. (2025). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov cherez prizmu osobykh ekonomicheskikh zon [Socio-economic development of regions through the prism of special economic zones]. *Voprosy otraslevoy ekonomiki* [Issues of Sectoral Economics], *1*(9), 58–64.
12. Rakhmeeva, I. I., & Chesnyukova, L. K. (2023). Osobyie ekonomicheskiye zony: ekonometricheskaya otsenka effektiv i perspektivy razvitiya [Special economic zones: An econometric assessment of effects and development prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], *18*(1), 5–24.
13. Repushevskaya, O. A. (2024). Kharakteristika instrumentov regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Characteristics of instruments for regulating the socio-economic development of regions]. *Russian Journal of Management*, 12(4), 555–564.
14. Sapir, E. V., & Karachev, I. A. (2024). Otsenka tselesoobraznosti sozdaniya spetsial'nykh ekonomicheskikh zon: metod geoeconomicheskogo kartirovaniya [Assessing the feasibility of establishing special economic zones: The method of geo-economic mapping]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], *28*(2), 6–22.
15. Sokolova, E. N., & Butko, D. V. (2024). Rol' osobykh ekonomicheskikh zon v reshenii regional'nykh problem [The role of special economic zones in solving regional problems]. *Ekonomicheskii vektor* [Economic Vector], *1*(36), 75–78.